

ДЕВЯТАЯ СВЕТСКАЯ ПОЛЕТЫ В МЕЧТАХ И НАЯВУ

Метро. — 2001.
Часть. — с. 9

«Привет, говорите после гудка!». И так — изо дня в день, из вечера в вечер, автоответчик безуспешно выдавал этот текст. Наконец на связь вышел сам хозяин голоса Александр Песков. Мы договорились о встрече.

— Дома не сидится — съемки, гастроли?

— Езжу в основном с антрепризным спектаклем Андрея Ташкова «Доброе утро, любимая». Недавно вернулись из Риги. Автобусом туда, день отбыгали, в ночь — снова в дорогу. В Москве спектакль почти не видели. В основном провинция — Ярославль, Уфа, Пермь, Челябинск, Екатеринбург... Принимают везде очень хорошо.

А съемки сейчас редки. Есть предложения сниматься в большом кино, но на него нет денег, просто беда. В полнометражном фильме последний раз снимался два года назад — в картине «Три женщины и мужчина» по сценарию Виктора Мережко. А дальше пошли сериалы — «Тайна дворцовых переворотов» Светланы Дружининой. Скоро должны выйти «Дальнобойщики», «Опер с Патриаршем». Есть еще кое-какие сериалные проекты.

— И какие роли вы там играете?

— Из сценария в сценарий сейчас кочуют одни и те же персонажи: бандиты, киллеры, менты, преступники. Приходится считаться. Во-первых, какая-никакая, а работа, во-вторых, это деньги, ведь на одном театре прожить невозможно.

— Рекламные ролики — из тех же соображений?

— Реклама очень редко бывает. «Милки вэй» — год назад.

— Перед тем как встретиться с вами, опросила своих коллег, знакомых на тему «кто такой Александр Песков». Мнения разделились. Одни говорят — это тот клоун в колготках, который Аллу Пугачеву пародирует... Вас это не задевает?

— А почему меня это должно задевать? С тем Александром Песковым я лично не знаком, считаю, что он замечательно работает в своем жанре. А то, что нас одинаково зовут, что ж, бывает.

— Другие опрошенные без запинки отвечали — а, это тот, который «Америкэн бой»...

— Вот приключилось ко мне. Не знаю. Хорошо это или плохо. Мне бы, конечно, хотелось иметь другой «лейбл», другую визитную карточку. И она была изначально. Это фильм Игоря Черницкого «Ивин А.». Считаю, моя лучшая из киношных ролей. А «Америкэн бой» такое по-псевдое кино, которое, наверное, проще воспринимается.

— По телевидению опять же часто гоняют.

— А «Ивина А.» всего раза три или четыре показывали за 12 лет. Игорь Черницкий написал сценарий по рассказу Анатолия Кима «Остановка в августе». Суть там такова. Молодой человек Ивин Андрей, роль

которого я исполняю, служит во внутренних войсках по охране зэков. Во время его дежурства зэк совершил побег из зоны. По уставу принятому как — первый предупредительный выстрел в воздух, второй, если беглец не реагирует, — на поражение. Ивин Андрей отказался стрелять и упустил зэка. Дальше трибунал — по тем временам ему светило 7 лет тюремы, а после освобождения 2 года дисбата. В общем, жизнь у человека практически исковеркана. А он по природе своей неприспособлен к военной деятельности, он типичный гуманист, учился в историко-архивном институте, ему бы в библиотеке в книжках копаться.

— Этот персонаж оказался вам близок. Почему?

— Потому что там есть коллизия. С одной стороны, существует воинская обязанность. С другой — человеческая суть. Вправе ли человек, созданный какими-то высшими силами, распоряжаться чужими жизнями? Для того и нужна профессиональная армия. Если кто-то действительно чувствует себя воином и способен убивать, то пусть идет добровольно туда за определенные деньги и это становится его профессией. И почему он должен сам становиться пушечным мясом?

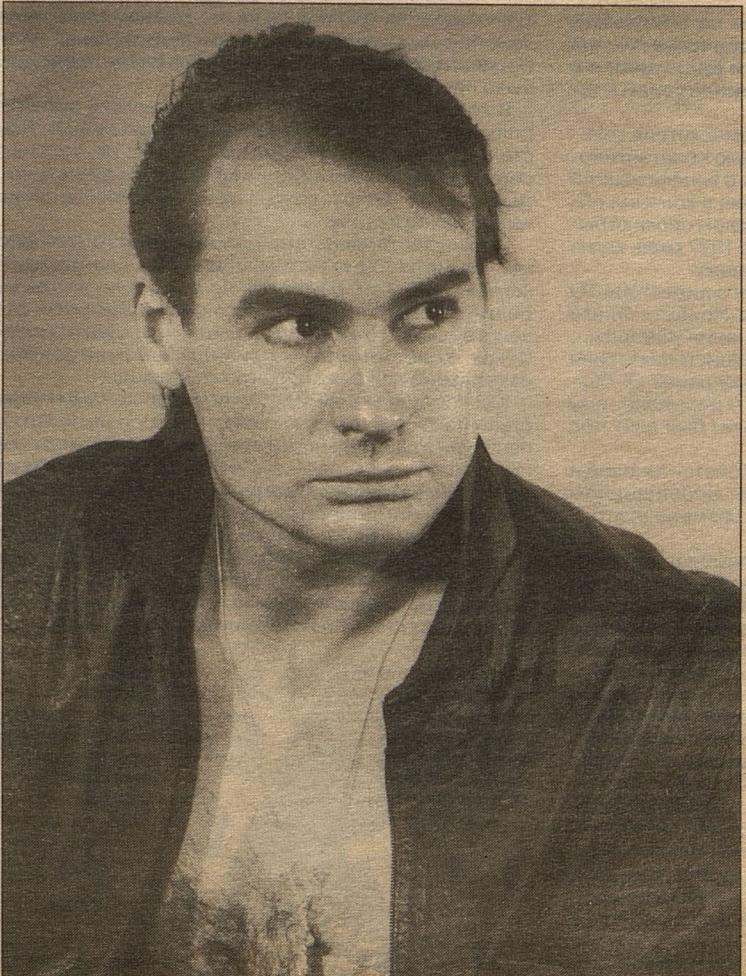
— А кто или что предопределило ваш выбор профессии?

— Игорь Старыгин. Невольно. Я готовился к военному поприщу, хотел стать летчиком-истребителем. В 8—10 классах параллельно учился в школе юных космонавтов и мог спокойно, без всяких конкурсов, поступить в любое военное училище. Но примерно за полгода до окончания десятилетки передумал и решил поехать в Москву учиться на актера. А получилось так. Шел как-то по центральной улице родного города Сызрани и увидел возле кинотеатра афишу с названием фильма «Три мушкетера». Фильм я видел уже не раз, но на афише мелкими буквами — «перед началом фильма выступает актер театра и кино Игорь Старыгин». Пошел на этот сеанс, послушал рассказ известного уже артиста, как он, помогая своим друзьям поступить в ГИТИС, сам туда поступил. И это оказалось созвучным моим внутренним желаниям. Я загорелся, поехал в столицу и с первого же раза поступил в Щепкинское театральное училище.

Мне помогло, видимо, и то, что я учился еще в музыкальной школе, играл в ВИА, выступал с агитбригадами, как раньше назывались народные театры, то есть со сценой был знаком. Со студенческих лет стал сниматься в кино. Пять последних лет служу в театре им. Пушкина.

— Детская мечта стать военным летчиком отчасти осуществилась в сыгранных ролях в кино?

— Меня ведь влекла военная романтика не как таковая, и уж тем более не война, а романтика полетов, скорость, какое-то единение с небом, с землей, от которой можно оторваться и к которой можно приблизиться на летающей машине. Как Чайка Джонатана Ле-

винстона Ричарда Баха, летающая в одиночестве и совершенствующая себя не только физически, но и духовно.

— Вы пишете стихи?

— Бывает, бывает. Особенно когда влюблен.

— А когда особенно?

— В какое время года? По-всякому. Поскольку я майский, мне казалось, что все должно происходить именно весной, какие-то романтические знакомства. Но, как правило, это происходит осенью. Но бывает и весной.

— Сейчас весна. Вы как, готовы?

— Практически да. Именно этой весной.

— А это состояние влюбленности мешает или, напротив, помогает в профессии?

— Конечно, помогает. Я вообще влюбчивый человек. И если наступает период, когда не испытываешь волнения, трепета в душе, становится дискомфортно.

— Профессиональные навыки, роли суперменов, способность выживания в фильмах, связанных с риском, помогают в реальной жизни?

— Скорее, здесь обратная связь. Я очень много занимался разными видами спора в детстве и в юности. Все это мне пригодилось в профессии, там, где трюки, бои. В «Америкэн бой» все делал сам, с четвертого этажа падал сам, с 11-го этажа гостиницы на 10-й сам перелезал, на лодке, на маши-

ная в заключительной ключевой фразе героя: нет на свете пропуска без отмщения. Когда человек становится на путь возмездия и мести, ему же возмездие и будет возвращено.

— Это, по-вашему, созвучно нашему времени?

— Сейчас тема звучит как глас вопиющего в пустыне. К несчастью, в обществе, в стране идет необъявленная война. Одни убивают других и при этом вряд ли раскаиваются. Я называю это гиббонством — когда серое вещество расплавлено и всеми поступками движет только собственная выгода.

— Наша жизнь сейчас слишком политизирована. Можно ли жить в нашем обществе и быть свободным от политики?

— Наверное, можно в нее не вникать, не заниматься ею все-результативно, профессионально, но совсем уж быть безучастным, оторванным от руслы политического течения довольно сложно.

— И к руслу какого политического течения прибило вас?

— Месяца два назад я вступил в партию «Единство». Считаю, это очень русское течение. Среди моих друзей и коллег, которых я уважаю, немало сторонников либо членов этой партии. Мне верится, что она не коррумпирована, там нет лжи, что туда вступают не ради самообогащения. И еще, что она направлена на созидание, а не на разрушение.

— Вас узнают на улицах, в метро, если вы в нем ездите?

— Я езжу в метро, у меня нет машины. Узнают. Бывает, подходят, спрашивают, не я ли сыграл в том или ином фильме.

— И какие фильмы чаще всего называют?

— Чаще всего, конечно, «Америкэн бой» еще «Мусульманин», «Крестоносец», хотя у меня там маленькая роль, «Горячев и другие», и — Милки вэй.

— В каком городе, в какой столице мира хотелось бы жить?

— Я бывал очень много за границей, практически на всех континентах, не был только в Индокитае и Японии. В основном поездки были связаны со съемками. Мне довелось сниматься и на Западе — в голливудском «Миротворце» с Николь Кидман и Джоном Клуни, в польском «Проквокаторе», в австро-венгерском фильме... Много повидал, но сказать, чтобы где-то захотелось остановиться, не могу. Ходишь иногда по их улицам, думаешь: вот бы здесь родиться, здесь жить. А проходит неделя-другая, и так хочется домой...

— Вообще вам на судьбу, на верное, грех жаловаться и на вопрос «как жизнь?» вряд ли последует ответ «не удалась».

— Да мне все кажется, вот уже 36 лет скоро, что жизнь только начинается. Поэтому не могу сказать, удалась или не удалась. Были какие-то пробы, попытки, моменты ученичества. Сейчас, оглядываясь назад, думаю, что многое простошло по инерции, а надо былоложить больше усилий, чтобы достичь чего-то большего в профессии. Отдаваться полнее и получать адекватную отдачу, до конца самореализовываться. Наверное, так и должно быть — сколько бы ни было лет человеку, чем старше он становится, тем больше думает о том, «как мало было сил, как много было лени»...

Галина ЛЕБЕДЕВА